

В. Андрейчук

Тадеуш Боровский: в начале пути

Среди большой плеяды польских писателей выделяется группа, получившая беспрецедентный жизненный и писательский опыт. Речь идет о так называемом поколении «колумбов», писателях, родившихся около 1920 года, чья молодость и период взросления, таким образом, пришлось на годы Второй мировой войны. Имена наиболее известных представителей этого поколения — Анджей Тшебинский, Тадеуш Гайцы, Тадеуш Ружевич, Кшиштоф Камил Бачиньский, Густав Херлинг Грудзиньский, Збигнев Херберт, Вислава Шимборская — хорошо известны и русскому образованному читателю. В творчестве «колумбов» нашли отражение такие черты эпохи, как ощущение кризиса ценностей, попытка найти место человека в новом мире смерти, жестокости и унижения, катастрофизм, тема борьбы. Самым ярким и неоднозначным представителем «колумбов», в плане как своей литературной деятельности, так и судьбы, был Тадеуш Боровский, ставший известным прежде всего благодаря своей концлагерной прозе (в частности, сборнику «Прощание с Марией», изданному в конце 1947 года).

Одной из самых больших ошибок и несправедливостей, возможных по отношению к Т. Боровскому, является попытка рассматривать его неоднозначное и нередко шокирующее творчество в отрыве от биографии писателя и начала его творческого пути. Данная статья посвящена начальному периоду творчества Т. Боровского (до написания сборника рассказов «Прощание с Марией» и аккумуляции в нем лагерного опыта), с опорой на некоторые важные факты его биографии, оказавшие влияние на формирование писателя.

Итак, Тадеуш Боровский, прежде всего, кресовяк¹. Кресы стали колыбелью многих знаменитых польских писателей (Адама Мицкевича, Элизы Ожешко, Бруно Шульца и др.). Причиной этого могли быть смешение культур, пусть и близких, своеобразная атмосфера земель, некогда принадле-

¹ От польского *kresy* — польское название территорий нынешних Западной Украины, Беларуси и Литвы, некогда входящих в состав Речи Посполитой. Кресовяк (пол. *kresowiak*) — житель данной территории.

жавших Речи Посполитой, полинациональная обстановка, которые способствовали развитию в авторах более широкого кругозора, большей терпимости, помогали не оставаться в рамках одной господствующей идеи.

Во вторую очередь, Тадеуш Боровский — сын заключенных ГУЛАГа. С четырех лет он рос сначала без отца, а потом и без матери, на попечении тетки, и лишь в 1932 году, в возрасте десяти лет, получил возможность выехать в Польшу к освобожденному отцу. Таким образом, знакомство с тоталитарной машиной для Боровского наступило значительно раньше, чем началась Вторая мировая война.

В третью очередь, Боровский — молодой человек из пролетарской семьи, которая после своего воссоединения в Варшаве жила на грани бедности. Решение сына поступить после окончания школы-интерната в подпольный университет и изучать полонистику, как отмечает Т. Древновский (крупнейший польский литературовед и исследователь творчества Т. Боровского), могло показаться «вдвойне безрассудным... живущей в постоянной бедности пролетарской семье» [2, с. 32]. Видимо, в том числе в этом следует искать дополнительную, кроме врожденной жажды познания, причину ревностного, граничащего с фанатизмом новообращенного, отношения Боровского к науке и культуре. По воспоминаниям соученицы писателя, «читал он, впрочем, везде, постоянно... быстро, захлеб — как будто боялся, что не успеет впитать всего, что создала человеческая мысль» [2, с. 36]. Отдельно нужно отметить увлечение писателя теологией и философией. По свидетельствам приятелей, он любил вести «долгие дискуссии об Августине и Фоме, в которых обе стороны оставались при своем» [2, с. 36], со священником-доминиканцем Дионизием. Что же касается мнения Боровского о религии, стоит упомянуть тот пиетет, с которым он относился к Библии, как культурному явлению (в письме к матери, отправленном из Павяка², он просил выслать ему Библию, изучением которой занимался как до лагеря, так и в послелагерный период).

Боровский — это и типичный варшавский студент оккупационных лет, вынужденный учиться, подрабатывать (часто не совсем легальным способом, подпольной торговлей, спекулянтством и др.), принимающий активное участие в антифашистской деятельности молодежи, которая до 1943 года не носила, по крайней мере в своей массе, вооруженного характера. Было это скорее сопротивление духа, идеи, аккумуляция сил и кадров для будущего активного противостояния. Нельзя сказать, что отсутствие активных вооруженных действий огорчало Боровского. Добрый,

² Павяк (пол. *Pawiak*) — тюрьма в Варшаве, построенная по приказу российских властей в начале XIX века, долгое время служила местом заключения уголовных элементов, потом — повстанцев и политических заключенных. Во время оккупации Варшавы нацистами Павяк играл роль главного тюремного центра Генерального губернаторства. В настоящее время на территории находится музей.

отзывчивый, хотя и задиристый, он (по собственному послевоенному признанию) не был материалом для солдата и предпочитал бороться с режимом и трагедией войны более близкими ему средствами — творчеством.

Период учебы в подпольном университете тесно связан с такими важными эмоциональными составляющими жизни Боровского, как любовь и дружба, впоследствии занимающими большое место в его творчестве. На занятиях он встретил свою будущую жену Марию Рундо. Тогда же сформировался круг друзей (Ванда Леопольд, Станислав Марчак-Оборский, София Свидвинская и пр.), отношения с которыми писатель поддерживал до последних своих дней. К периоду учебы относится посвящение молодой супружеской паре, друзьям Боровского, строки из которого как нельзя лучше характеризуют писателя:

Что человек? Он — равный звездам.
В чем суть любви? Любовь бессмертна [1, т. 1, с. 108].

В таких декорациях на сцену впервые выходит Боровский-поэт (конец 1941 года). Кроме фразок, эпиграмм, любовной лирики, гимнов, восходящих к традициям древнегреческой, древнеримской поэзии и жанру застольных песен вагантов, внимание обращает на себя несколько стихотворений, отражающих взгляд Боровского на оккупационную действительность, большая часть из которых вошла в поэтический сборник «Везде, где земля» — печатный дебют поэта, без особого восторга воспринятый товарищами. Причина неприятия крылась, во-первых, в подборе стихов для сборника — понурых, полных зловещих, апокалипсических образов, трудных в чтении из-за рваного гекзаметра. Но если катастрофизм был общим достоянием молодых творцов того периода, то был и значительно более важный фактор, отличающий Боровского от других. В сборнике впервые прозвучал мотив взаимоотношений поколения поэта и истории, выразившийся в следующих строчках «Песни»:

Что мы оставим? Ржавый лом
и смех язвительный потомков [1, т. 1, с. 73].

Несмотря на это печальное пророчество, на основании которого Боровского обвинили в малодушии, поэт не считал борьбу бесполезной. Как и его товарищи, он был полон желания сражаться («не зря кровь льется из груди, не зря окаменели лица...» [1, т. 1, с. 73]). Разница была в том, что, хотя большая часть из друзей боролась с немцами за Польшу, Боровский считал необходимой борьбу с национализмом в принципе, прекрасно понимая его опасность вне зависимости от того, чаяниям какого народа он отвечает. Империалистические настроения группы «Искусства и народа»³,

³ Пол. *Sztuka i Naród* — литературный ежемесячник, подпольно издаваемый в Варшаве в 1943—1944 годах, связанный с Конфедерацией народа, подпольной организацией военно-политического характера, чья программа носила ярко выраженный национально-империалистический характер (1940—1943 годы).

к которой принадлежали многие его соученики и знакомые, не были Боровскому близки, и он крайне резко высказывался об их «имперской концепции создания прожорливого государства... теории национального искусства» [1, т. 2, с. 158].

Добрый, но легкоранимый, легкомысленный, по своему признанию («Сам я не изменился абсолютно, как всегда мягок и легкомысленен» [3, с. 28]), вчерашний школьник, задиристый и едкий, крайне ревностно оберегающий свои убеждения, — таким был Тадеуш Боровский, когда за ним закрылись ворота Освенцима.

Судьба Боровского как лагерника была сравнительно легкой (медбрат, работник кровельной бригады), и лишь в последние дни существования нацистского режима, после эвакуации в немецкий лагерь Дахау-Аллах, ему довелось на собственном опыте прочувствовать, что такое быть «мусульманином»⁴. Важно то, что, занимая относительно удачную позицию в концлагерной иерархии, Боровский смог сохранить определенную объективность взгляда на происходящее вокруг него. Будучи внутри системы — а одновременно вне эпицентра уничтожения — он мог видеть лучше и больше, чем другие, чему, в том числе, способствовали его доброжелательность и удивительное психическое здоровье. Со слов доктора Фиялковского, работавшего с Боровским-санитаром, Древновский характеризует писателя следующим образом: «Победив лагерный *modus vivendi*, он жил — непобежденный, независимый — в другом измерении» [2, с. 72].

В концлагере Боровский продолжал активно работать. В своем письме к Тадеушу Солтану сам Боровский отмечает, «что писал много и самые разнообразные вещи» [2, с. 71]. К сожалению, в условиях концентрационного лагеря сохранить их было практически невозможно, и уцелела лишь малая толика написанного в Освенциме. Но и то, что осталось, может дать нам представление о мыслях и чувствах, переполняющих их автора. К лагерным его произведениям относится «Песенка любви и смерти», начинающаяся словами

Давно облетела с голых ветвей листва.
Тоска к тебе гонит и шепчет, что ты жива [5].

И несмотря на жестокий мир, который «должен меня уверить, что ты лишь сон», это лагерное стихотворение оканчивается победным

Сильна как смерть любовь, но моя сильней [5].

⁴ Пол. *muzulman* — лагерное определение для человека, полностью истощенного физически и духовно, тяжело больного типичными для концлагерей заболеваниями. Т. Боровский в словаре концлагерных понятий к сборнику «Мы были в Освенциме» указывает, что «мусульманин» занимал низшую ступень в концлагерной иерархии, был всеми презираем и обычно заканчивал свое существование в газовой камере.

Если в любовных стихотворениях виден образ нежного тоскующего возлюбленного, полного веры и надежды, то стихотворения «Ночь над Биркенау» и «Нареченной» иного толка. Первое — апокалипсической своей картиной напоминает Боровского долагерного периода (стихотворение это часто сравнивают с «Песнью»), с той лишь разницей, что этот Апокалипсис сбывшийся, конкретизированный и близкий.

Ночь без рассвета. Все затмило.
И дело близится к финалу.
Как божий суд над мертвым миром,
вершится ночь над Биркенау [5].

Во втором — уже слышится голос Боровского послевоенного, автора освенцимских рассказов.

Я, певец человека, в грязном лежу бараке,
взглядом ловлю легенду, как птичий полет в облаках,
только ищу напрасно в глазах человеческих знака.
Есть человек, лопата, ров да похлебки черпак... [6].

Лагерные произведения Боровского важны еще и тем, что здесь впервые явственно читается мотив отдаления религии и человека, обозначается конфликт между человеческим и божеским, где последнее становится силой нечеловеческой, чуждой, непонимающей. «Колядка» Боровского — это обращение к ангелам, явившимся приветствовать рождение Христа:

Ангелы, где вас носит?
Что там волхвы гундосят?
Мирры взамен и злата
дали бы шоколада [5].

Стихотворение заканчивается просьбой:

Прежде чем станет богом,
пусть поживет как люди [5].

Для воссоздания полной картины того, что видел в лагере, и как воспринимал увиденное Боровский, незаменимую роль играют письма, которые писатель при оказии пересылал невесте, упомянутой уже Марии Рундо. Восстановленные впоследствии по памяти (оригиналы были уничтожены адресатом), они были скомпонованы Боровским в рассказ «У нас в Аушвице» — единственный его рассказ, который можно считать в полной степени автобиографическим.

Наличие такого рода материала — большая удача для исследователей творчества Боровского. В письмах не просто содержится большое количество информации о жизни в лагере самого Тадеуша и зарисовок «будней» концлагеря; они строчка за строчкой раскрывают работу мысли молодого

человека, бросают свет на изменение его мировоззрения. Автор открытым текстом излагает те неутешительные выводы, к которым он пришел и которые потом он попытается донести до читателей, укрыв их за уленшпигелевской речью, лагерным кодексом чести и показным цинизмом форарбайтера⁵ Тадка.

Боровский почти не пишет о палачах. Эсесовец Боровского — прежде всего безликий службист, выполняющий свою задачу. Значительно больше места уделяется внутренним конфликтам между заключенными, и здесь автор писем не жалеет красок для описания «жертв» режима. Некоторые из них способны вызвать большее отвращение, нежели его «слуги», поскольку не только являются объектом действия машины «обесчеловечивания», но и сами реализуют эту программу по отношению к тем, кто слабее. Писателя, безусловно, изумляет происходящее («Я не могу понять этого упоения убийством, этого всплеска, казалось бы, забытого атавизма» [1, т. 1, с. 52]). Однако еще более изумляет молчаливое согласие людей с происходящим, правилами жизни, которых, казалось бы, принять нельзя: «Несколько человек направляют движение, чтобы не было толкотни, и люди текут, как вода из крана. Все это происходит среди чахлах деревьев задымленного лесочка. Обыкновенные грузовики привозят людей, возвращаются и опять привозят — как на конвейере. Без волшебства, без ядов, без гипноза. Как же так получается, что никто не крикнет, не плюнет в лицо, не вцепится в грудь?» [1, т. 1, с. 46].

Боровский формулирует страшную правду концлагеря: «Живые всегда правы перед мертвыми», указывая на крах на первый взгляд незыблемых основ существования европейской цивилизации и таких понятий, как, например, надежда. «Это надежда рвет узы семей, велит матерям отречься от детей, женам — продавать себя за хлеб и мужьям — убивать людей. Это надежда велит им бороться за каждый день жизни... Нас не научили отказываться от надежды, и потому мы погибаем от газа» [1, т. 1, с. 54—55].

Тот факт, что расчеловечивание и «овеществление» человека происходило с индустриальным размахом и сопровождалось спекуляцией достижениями культуры, религии, истории европейской цивилизации, заставило писателя всерьез задуматься над результатом развития последней и не только придти к печальному выводу об ее крахе, но и сделать следующий шаг, уподобляя всю европейскую цивилизацию концентрационному лагерю. «Мы закладываем основы какой-то новой, чудовищной цивилизации. Лишь теперь я понял, чего стоят создания древности... Этот древний мир был гигантским концентрационным лагерем... Этот древний мир был великим заговором свободных людей против рабов!» [1, т. 1, с. 65].

⁵ *Vorarbeiter* (рус. транскрипция — форарбайтер) — согласно словарю лагерной лексики Т. Боровского, помощник капо, то есть заключенного, руководящего рабочей бригадой.

Лагерный путь Боровского завершился в Германии, в Дахау-Аллах, как мы уже писали, в состоянии, близком к душевному и физическому истощению. Нацистский режим был повержен, но для Тадеуша Боровского борьба только начиналась. Прежде чем на свет появились знаменитые освенцимские рассказы, Боровскому предстояло сыграть роль «диписовца»⁶ в Фрейманне. Наблюдая (опять-таки из-за проволоки) за возрождением мира, Боровский не видел в нем главного: изменений. Все осталось как раньше, включая «великую страсть людей к созданию новых иерархий» и подразделение людей на «равных и равнейших» на основании их политических и религиозных взглядов. «Создавалось общество живое, пусть и раздираемое политически-социальными раздорами, путеводной нитью которых был спор об устройстве Польши и о том, почему в супе нет картошки...» [3, с. 117].

В поэзии фрейманнского и мюнхенского периодов (после освобождения из пересыльного лагеря писатель временно обосновался в Мюнхене) нашла отражение вся гамма эмоций и весь ряд проблем, заполняющих жизнь Боровского. Здесь и поиск невесты («Прощание с Марией», «Молитва к Марии» и другая любовная лирика), и трагедия почти свершившегося разрыва, причиной которого стало решение поэта вернуться в коммунистическую Польшу («Туська! Зла на меня не держи»). Морально-психологическая травма Боровского-лагерника нашла свой выход в избрании разрушенных городов и представлении немецкого населения в положении заключенных концлагеря («Прогулка по Мюнхену»). Посвящения погибшим товарищам свидетельствуют о том, что при всем осознании необходимости жить дальше (символическое значение имеет образ вышедших на волю заключенных, которые, «позабыв про пепел, просто цветов нарвали»), сам Боровский забыть о пепле не мог.

В указанный период окончательно формируется обличительная лирика, раскрывающая неприменимость, а иногда и фарисейский характер религиозного, библейского восприятия мира в сложившихся обстоятельствах, их двусмысленность и простор для манипуляций. Внимательному наблюдателю при прочтении нескольких таких произведений становится ясно, что, испытывая глубокое уважение к вере, Боровский отвергал религию в функции «опиума для народа» и церковь как государственную структуру. Ярчайшим примером подобной поэзии является написанная белым стихом «Молитва о спасении души Кальтенбруннера».

⁶ Польское, сокращенное из английского *dipis* — лицо, вывезенное на принудительные работы в Германию, временно не имеющее возможности вернуться в страну после окончания войны и пользующееся помощью международных организаций.

Обращаясь к Богу, как к соучастнику нацистского преступления, поскольку

Ты дал власть Кальтенбруннеру!
ибо всякая власть есть от Бога,
но тебя, соучастника преступления,
в Нюрнберге не судят... [1, т. 1, с. 307],

Боровский иронически предлагает простить высокопоставленного преступника Кальтенбруннера в полном соответствии с библейскими заповедями:

ибо на небе больше возрадуются
раскаявшемуся грешнику Кальтенбруннеру,
чем шести миллионам евреев, удушенных газом,
и двадцати миллионам расстрелянных христиан... [1, т. 1, с. 307].

Строки «но тебя, соучастника преступления, // в Нюрнберге не судят» подводят нас к одной из основополагающих для последующей концлагерной прозы Боровского идее. Нужно не только судить преступников, но и пересмотреть то, что допустило и в какой-то мере подготовило их появление, оказалось бессильным в конфронтации со злом: то есть все социокультурное пространство европейской цивилизации на всем протяжении ее истории.

Перед Боровским, как уже упоминалось, стоял выбор: остаться или вернуться на родину. Писатель считал, что его место в Польше. Дело было не только в тоске по родителям, родным местам.

В Мюнхене пахнут липы -
и до того знакомо,
и до того тоскливы
сны вдалеке от дома [5].

Боровский не мог бросить свою страну тогда, когда она больше всего нуждалась в талантливых, полных энергии людях. Кроме того, он был убежден в необходимости искать новые пути выхода из цивилизационной ловушки.

В Польшу писатель вернулся уже известным, прежде всего благодаря изданному в соавторстве с К. Ольшевским и Я.Н. Седлецким⁷ в июне 1946 года сборнику рассказов «Мы были в Освенциме». В Польше рассказы, подписанные именем Т. Боровского, — «День на Харменцах» и «Транспорт Сосновец-Бендзин» — были опубликованы уже в апреле. В них, а потом и во всем сборнике «Прощание с Марией» (конец 1947 года) ак-

⁷ В сборнике «Мы были в Освенциме» перу Т. Боровского кроме его рассказов принадлежало вступление, краткие аннотации ко всем рассказам; считается, что он также редактировал рассказы своих соавторов.

кумулятивался весь концлагерный опыт Боровского, все то, что, по его мнению, представляло собой наибольшую угрозу существованию не просто человека, а человеческого в человеке. Не убийство, кражи, обман, издевательства — повседневность жизни человека в «концентрационной действительности» — были самой серьезной опасностью. В концлагерной прозе писатель говорил о вершившемся в лагерях «расчеловечивании» человека, на которое последний давал свое согласие; о том, «как уязвима природа человека и как ненадежна вера в превосходство духа над животным началом». Страшной правдой Боровского, которую далеко не все нашли в себе силы принять, было то, что каждый выживший в страшных условиях концлагеря выжил ценой жизни другого человека, что «частица печальной славы Освенцима» принадлежит всем, это не не достояние лишь нацистов. В его творчестве нашла реализацию концепция «зла среди нас самих», о которой говорит психолог Зигмунт Бауман: «Наиболее ужасающей информацией, которую дал нам Холокост и то, что мы смогли узнать о его организаторах, является не предположение, что "это" могло произойти именно с нами, а факт, что именно мы могли бы это совершить» [4, с. 198].

Боровский не нашел признания в Польше, причем не только в советской, но и в современной. Ему «инкриминировали» последовательно: юношеский максимализм, цинизм, нигилизм, аморальность, мещанство. Данный обзор служит иллюстрацией к беспочвенности этих обвинений. Будучи едва ли не первым писателем, во всеуслышание объявившим, пусть с использованием иной терминологии, о приходе антропологического кризиса, Тадеуш Боровский остается писателем актуальным и нужным (особенно на фоне современной политической и социальной обстановки), и время широкомасштабного, беспристрастного комплексного анализа его биографии и творчества во всех без исключения проявлениях скоро наступит.

Список литературы

1. *Borowski T. Poezje // Pisma zebrane: w 4 t. Kraków, 2005.*
2. *Drewnowski T. Ucieczka z kamiennego świata. Warszawa, 1969.*
3. *Niedyskrecje pocztowe. Korespondencja Tadeusza Borowskiego / koment. T. Drewnowski). Warszawa, 2001.*
4. *Werner A. Zwyczajna Apokalipsa. Tadeusz Borowski i jego wizja świata obozów. Warszawa, 1979.*
5. *Боровский Т. Стихи // Иностранная литература. 2008. №9. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/9/bo3.html>*
6. *Зыгмунт Левицкий. URL: <http://www.vekperevoda.com/1930/levitsky.htm>*